

последствий. В 1970 г. вышел в свет третий, последний, том истории пугачевского восстания^I.

На оба тома появились рецензии. Одна из них была весьма комплиментарна^{II}. В другой были поставлены серьезные проблемы и прозвучала острая критика всего издания^{III}. В оценке этой критической статьи мы с В. В. разошлись. Он был уязвлен, а я считал, что в ней много справедливых замечаний. В. В. предложил мне написать вдвоем ответ, но я отказался. В. В. вроде бы обиделся — тем более, что кто-то ему сообщил о моей беседе с авторами статьи, в ходе которой я говорил о их правоте. Впрочем, эта обида не перешла в неприязнь: в 1974 г., когда я защищал докторскую диссертацию, В. В. присутствовал, а потом почтил меня, придя с женой на банкет.

Побочным результатом нашей общей работы стала популярная книга, написанная Ю. А. Лимоновым, В. В. Мавродиным и мной^{IV}, в которой дана серия исторических портретов.

[Октябрь 2008 г.]

А. Н. Цамутали
Санкт-Петербург

Несколько слов о Владимире Васильевиче Мавродине

Владимира Васильевича Мавродина я впервые увидел, когда поступил осенью 1948 г. на исторический факультет Ленинградского университета. Тогда же я узнал, что он возглавляет исторический факультет и кафедру истории СССР. Впоследствии, после окончания университета мне не раз приходилось сталкиваться с В. В. Быстро летело время. Кое-кто из тех, кто в мое время были студентами или аспирантами, защищали диссертации, становились доцентами и профессорами, даже возглавляли кафедры на историческом факультете. В. В. долгие годы оставался и деканом факультета, и заведующим кафедрой истории СССР. Поэтому в разные годы поводы для встреч с ним менялись.

В первые же дни занятий в университете я услышал от студентов, что В. В. во всех своих ипостасях очень доступен и доброжелателен. Вскоре я в этом мог убедиться. В. В. мог разрешить студенту, у которого вдруг возникли неприятности со здоровьем, на какое-то время дать краткосрочный отпуск, а студентке, у которой не было иных средств к существованию кроме студенческой стипендии, пользоваться «свободным расписанием». На старших курсах многие студенты,

^I Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: Восстание Пугачева / Ответственный редактор профессор В. В. Мавродин. [Л.:] Издательство Ленинградского университета, 1970. Т. III.

^{II} Ее написали А. П. Пронштейн и А. А. Пушкаренко: История СССР. 1968. № 4. С. 145–148.

^{III} Рындзюнский П. Г., Рахматуллин М. А. Некоторые итоги изучения Крестьянской войны в России 1773–1775 гг. // История СССР. 1972. № 2. С. 71–88.

^{IV} Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панях В. М. Пугачев и его сподвижники. М.; Л., 1965. Второе издание вышло в 1974 г.

особенно те, кто вернулся с войны, иногда успевали в течение года сдать экзамены за два курса. Так же доброжелательны и внимательны к студентами были заместитель декана по студенческим делам Анна Николаевна Вигдорчик и секретарь деканата Валентина Константиновна Анисимова. К нашему сожалению В. В. был освобожден от обязанностей декана. Покинула свой пост и Анна Николаевна. Новый заместитель декана по студенческим делам начал с того, что собрал в своем кабинете старост студенческих групп и произнес речь, которой предпослал афоризм: «Староста — собака в группе».

К В. В. часто обращались студенты и с вопросами, касавшимися читаемого им курса. При этом не только подходили к нему в перерыве между лекциями. Часто и на кафедре истории СССР, и около кабинета декана в ожидании прихода В. В. сидел кто-нибудь из наиболее бойких студентов. Я к числу последних не принадлежал, но стал ближе соприкасаться с В. В., наверное, на IV курсе. В это время я был членом факультетского Совета Студенческого научного общества (СНО) и редактором «Бюллетеня СНО». Какое-то время В. В. был своего рода куратором факультетского СНО (не помню, как он официально именовался). Надо сказать, что и раньше В. В. был внимателен к СНО. Студенты, занимавшиеся в его семинаре, делали доклады на заседаниях кружка истории СССР. Один из таких докладов, посвященный проблемам, связанным с движением (восстанием) Емельяна Пугачева, читал Илья Зиновьевич Кадсон. Детали не сохранились в памяти. Но помню, что в обсуждении этого доклада участвовала Александра Дмитриевна Люблинская, которая полемизировала с докладчиком по поводу его соображений о степени стихийности в ходе крестьянских движений. Присутствовал на заседании и В. В. На заседании кафедры истории СССР один из руководителей кружка Олег Александрович Ваганов выступил с докладом о работе кружка. Доклад вызвал оживленные прения. В памяти остались выступления, касавшиеся трудностей, связанных с работой по истории СССР советского периода. Выступавшие говорили о том, что трудно получить доступ не только к архивным документам, но и к газетам, особенно 1917–1939 гг. В. В., как мне показалось, понимал, что проблему доступа к такого рода источникам усилием факультета решить трудно и советовал давать студентам темы, которые можно изучать, пользуясь опубликованными документами. Помню, что как возможную тему он называл «Военные взгляды М. В. Фрунзе», советовал изучать опубликованные труды и выступления. Заниматься делами факультетского СНО В. В. пришлось в трудное для него время. Он был освобожден от обязанностей и декана, и заведующего кафедрой. На доске объявлений на белом листе бумаги от руки, но броско было написано извещение о закрытом партийном собрании, созываемом для обсуждения «персонального дела» В. В. Несмотря на эти неприятности, В. В. не подавал виду, участвовал в заседаниях Совета СНО, помогал в проведении заседаний и конференций.

Какое-то время после окончания университета я не видел В. В. Но, наверное, в 1954 г. я встретил В. В. на Литейном проспекте. В ответ на мой поклон он не только ответил, но остановился и вытащил из портфеля большой том «Очерков истории СССР. Период феодализма» и атлас с разными породами птиц. Очень оживленно В. В. стал рассказывать о своем участии в подготовке только что приобретенного тома «Очерков», с улыбкой подчеркнув, что в числе написанных им глав и разделов есть и раздел о Тьмутараканском княжестве. Затем В. В. сказал,

что «у каждого свой бзык», что в переводе с польского означает «увлечение», что его «бзык» — охота. Вскоре после этой встречи я стал бывать на историческом факультете, так как благодаря содействию тогдашнего ректора математика Александра Даниловича Александрова стал соискателем и начал сдавать экзамены по программе кандидатского минимума. В. В. не входил в состав экзаменационных комиссий, но, встречая меня, всегда подбадривал и желал хороших отметок. Быстро сдав минимум, я довольно долго тянул с написанием диссертации. Наконец, в начале 1960-х гг. она была готова. Для защиты стали требовать опубликованные статьи. Здесь мне опять-таки помогли, как в Ленинградском отделении Института истории АН СССР (ЛОИИ), где я числился заочным аспирантом с 1957 г. и работал младшим научным сотрудником с 1962 г., так и на историческом факультете Ленинградского университета. В «Вестнике Ленинградского университета» была напечатана моя статья «И. Г. Прыжов — историк-революционер». С публикацией этой статьи мне помогли Лидия Ефимовна Анкудинова — ответственный секретарь редакции «Вестника», Юрий Давидович Марголис, рецензировавший мою статью, Семен Бенцианович Окунь, возглавлявший сектор на кафедре истории СССР, и, конечно же, В. В.

В то время, когда подошел мой срок защищать диссертацию, существовало вскоре отмененное правило, требовавшее: защищать диссертацию следует не по месту работы. Вместе с ученым секретарем Ученого совета исторического факультета ЛГУ Леонидом Сергеевичем Семёновым, тоже всячески мне помогавшим, я пошел к В. В. Тот выслушал нас, долго молчал, затем сказал: «В церкви теснота, места нет. Но пришел губернатор — место нашлось». Моя защита была назначена на самый конец июня 1964-го, на последнее заседание в 1963/64 учебном году. Под председательством В. В. прошло заседание, на котором мне довелось защищать диссертацию. В. В. поздравил меня с успешной защитой.

Круг обязанностей декана и заведующего кафедрой и широк, и исполнение этих обязанностей сопряжено с немалыми трудностями. Я оказывался в отношениях с В. В. в ситуациях, когда видел с его стороны и доброжелательность, и готовность помочь. Разумеется, я был лишь одним из многих, с кем приходилось сталкиваться В. В. К тому же я был далек от повседневной жизни исторического факультета. Я понимаю, как трудно было В. В. держать в руках исторический факультет. Приходилось мне слышать и критические замечания, как от его ровесников, так и от тех, кто примерно в одно время со мной был студентом, а затем, в отличие от меня, работал на историческом факультете, и потому те и другие видели В. В. в ином ракурсе, чем я. Так, близкие к В. В. люди, по их словам, спрашивали В. В., как он, будучи деканом, терпел на факультете преподавателей, не блиставших способностями, но известных, мягко говоря, скандальным характером. В. В. отвечал, что в винегрете должны быть всякие овощи. Исходя из этой формулы, наверное, следует признать, что, сохраняя (пока он мог это делать) таких профессоров, как Борис Александрович Романов, Сигизмунд Натанович Валк и им подобных, В. В. создавал равновесие, при котором влияние немногочисленных отрицательных фигур нейтрализовалось. Приходилось мне слышать и о том, что, как декан, В. В. порой, когда, например, речь шла о распределении ставок между кафедрами, занимал жесткую позицию. Впрочем, такого рода штрихи не меняли общего доброжелательного отношения к В. В. Я, например, присутствовал на чествовании В. В. в день его 50-летия. На факультете кроме преподавателей и сту-

дентов собралось немало выпускников, среди которых было несколько человек, окончивших университет еще до войны.

Ближние ученики В. В. писали о нем и как о человеке, и как о лекторе и исследователе. Тем не менее, мне хотелось поделиться собственными впечатлениями, прежде всего о В. В., каким он был в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Лекции по истории СССР В. В. читал всегда в аудитории, которая тогда носила № 53, а теперь, кажется, названа в честь В. В. Мавродинской. Трудно было занять место поблизости от кафедры. Я обычно прибегал за несколько минут до начала лекции и сидел где-нибудь в середине или даже в конце аудитории. Тем не менее голос В. В. был слышен хорошо. Отмечу одну из особенностей лекций, читавшихся В. В. осенью 1948 г. Они были насыщены сведениями об археологических памятниках. Я впервые услышал о Трипольской культуре. В общую канву повествования вплетались сюжеты из русских былин. При этом В. В. иной раз привлекал внимание слушателей несколько неожиданными размышлениями. Так, образно описав былинных богатырей Илью Муромца, Добрыню Никитича и Алёшу Поповича, он вдруг говорил, что, возможно, они были реальными историческими персонажами, образы которых запечатлелись в памяти сначала современников, а затем и потомков. Нет документальных доказательств, что эти богатыри были, но нет и доказательств того, что их не было. При этом В. В. хитро улыбался, предоставляя первокурсникам самим решать, были в действительности такие богатыри или нет. В. В. иногда вспоминал об аспирантуре Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). Среди тех, у кого он учился, В. В. часто называл Николая Яковлевича Марра. Рассказывая, как молодые аспиранты окружали Н. Я. Марра, имитировал его речь с кавказским акцентом и южным темпераментом. Влияние идей Марра, видимо, в чем-то сказывалось в лекциях тех лет. Помню, что В. В. говорил, что «волнами, волнами» перемещались те или иные племена и народы. Подчеркивал В. В. особенности созданной при Петре I русской армии, противопоставляя её наёмным армиям западно-европейских стран.

Обосновывая свои взгляды, например, относительно причин распада Киевской Руси на отдельные княжества, В. В. критиковал взгляды дореволюционных историков, в частности, В. О. Ключевского. Вместе с тем отдавал должное их трудам, как содержащим богатый материал и хорошо написанным, советовал читать их работы, особенно В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова. Под влиянием В. В. весной 1949 г. в букинистическом магазине на Невском (не доходя до Литейного проспекта) я купил «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – начала XVII вв.» С. Ф. Платонова. От В. В. я впервые услышал и про лекцию В. О. Ключевского «Предки Евгения Онегина». Прочел её, а потом потихоньку стал брать в библиотеке и читать том за томом «Курс русской истории». У меня, вообще-то, было впечатление, что В. В. не раз советовал нам обратить внимание на эти хотя и содержавшие концептуальные ошибки, но полезные для нас труды. Не знаю, повторял ли В. В. призывы читать Ключевского и Платонова в последующие годы.

Признаюсь, что я оказался не готов к тому, чтобы постигнуть содержание книги В. В. «Образование Древнерусского государства» (Л., 1945). Эта книга была рекомендована в числе других для конспектирования на I курсе. Каждый студент должен был законспектировать одну монографию. Этому придавалось

большое значение, и я помню, как в неожиданной для меня ситуации комсорг нашей группы Руслан Григорьевич Скрынников спросил, как у меня обстоят дела с монографией. Дела обстояли плохо. Я запутался среди протославян и протофиннов, других непонятных мне, вчерашнему школьнику, терминов, щедро рассыпанных на страницах монографии В. В. об образовании Древнерусского государства. Выход я нашел неожиданный, обратившись, к неудовольствию моих однокурсников искусствоведов, к книге М. Н. Тихомирова «Русские города». Конспект по этой книге я составил, а Р. Г. Скрынников перешел в другую группу, где занятия вел Б. А. Романов. Много лет спустя в уже пожелтевших номерах журнала «Вопросы истории» я прочел рецензию Н. Л. Рубинштейна и К. В. Базилевича, у которых, оказывается, тоже были недоуменные вопросы по поводу отдельных мест в книгах В. В. Несмотря на первую неудачу с изучением трудов В. В., я внимательно следил за его новыми работами.

Я вновь обратился к трудам В. В. по истории Киевской Руси в конце 1960х – 1970-е гг. Занимаясь историческими взглядами русских историков XIX – начала XX вв., я должен был обратиться и к трудам, написанным в более поздние годы. О своем неудачном опыте изучения трудов В. В. в студенческие годы я рассказал С. Н. Валку. Отвечая мне, С. Н. Валк сказал, что В. В. в ранних работах ставил немало новых интересных вопросов, вовлекая тем самым и в дискуссию, и в дальнейшее изучение конкретных проблем. При этом С. Н. добавил, что с его точки зрения, наиболее значительной среди ранних работ В. В. являются его «Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.)», вышедшие в свет в издательстве Ленинградского университета в 1940 г. и принесшие автору ученую степень доктора исторических наук.

У меня сложилось впечатление, что В. В. в глубине души не был сторонником защиты устоявшихся концепций, стремился к поиску новых решений и новых построений. Как мне представляется, он и своим ученикам предоставлял возможность каждому искать свой путь в науке. Когда создавался усилиями университета и ЛОИИ труд по историографии и источниковедению Киевской Руси, я оказался в числе его рецензентов. Читая рукописи и наблюдая за работой редколлегии, за взаимоотношениями между авторами этого труда, я впервые близко столкнулся с тем, насколько по-разному на многие проблемы истории Киевской Руси смотрят два ученика В. В. — Михаил Борисович Свердлов и Игорь Яковлевич Фроянов. Оба боготворили В. В., а он был благосклонен к ним обоим. Мне пришло в голову, что сам В. В. считает возможным развитие разных концепций с тем, что постепенно сложится какая-то третья, возможно более объективная, чем другие, концепция.

Помимо рассказов о Н. Я. Марре, от В. В. я слышал о том, как в горниле ГАИМК рождались новые идеи и концепции. Кстати сказать, в одной из своих статей, посвященных Б. Д. Грекову, которого В. В. считал и называл учителем, очень почитал и уважал, дана живая картинка, воссоздающая общую атмосферу в ГАИМК. Повествуя о том, как «энергично и весьма плодотворно Борис Дмитриевич приступил к разработке проблем Киевской Руси с осени 1930 г., когда он начал работать в секторе феодализма Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), возглавляемой Н. Я. Марром»¹, В. В. писал: «ГАИМК

¹ *Мавродин В. В.* Борис Дмитриевич Греков (1882–1953) // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со Дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982. С. 38.

в начале 30-х годов представляла бурлящий котел идей и страстей. Она отдала дань времени, когда основным содержанием деятельности гуманитарных научных учреждений и высших учебных заведений являлись обсуждения кардинальных проблем исторического развития, диспуты, дискуссии, нередко носившие очень острый политический характер»¹. Среди тех, кто «варился» в этом котле, было немало впоследствии известных историков и археологов. Среди них был и Иван Иванович Смирнов, которого я знал, так как, будучи студентом университета, читал его книгу о восстании Болотникова, видел в те дни, когда он приезжал на защиту диссертаций и дипломных работ, а позже — как младший коллега в ЛОИИ. На мою долю выпало идти в университет и сообщить там печальную весть о смерти Ивана Ивановича. Почти подойдя к дверям исторического факультета, я встретил В. В., который шел мне навстречу вместе с кем-то из коллег. Помню, как в ответ на мои слова о случившемся, В. В. остановился и сказал: «Ивана не стало. Иван умер». Я почувствовал, что у В. В. многое связано с И. И. Смирновым, что его смерть большая для него потеря. Рассказывал В. В. и о лицах, о которых мне приходилось только слышать. Так, он не раз вспоминал М. М. Цвибака, как историка, у которого всегда было много идей, которые он разбрасывал, не будучи особенно озабочен тем, чтобы самому их четко обобщить и сформулировать.

Такого рода детали, характеризовавшие особенности научной жизни в исторических учреждениях Ленинграда, не раз мелькали в разговорах, которые приходилось мне вести с В. В. В моей памяти В. В. остался очень интересным и вместе с тем сложным Человеком. Невольно думаю, что многое из того, что он видел и знал, навсегда ушло вместе с ним. В моей же жизни он оказался одним из тех, кто не раз помог мне и в житейских ситуациях, и в моих занятиях историей.

[Октябрь 2008 г.]

В. В. Мавродин
Санкт-Петербург

Из несохранившегося архива Владимира Васильевича Мавродина

Мой отец получал очень много писем, открыток и телеграмм, но рассказать о них трудно. И вот почему. Всю корреспонденцию он хранил долго — месяцами и даже годами, потом собирал, укладывал стопкой, перевязывал, всегда только рыболовной леской, и увозил на дачу. Там очень внимательно перечитывал каждое, а потом сжигал. Почему он так делал, я не знаю, и никогда об этом его не спрашивал, можно лишь предполагать. Но ни в коем случае в этом нельзя усматривать пренебрежения к людям. Полагаю, что со мною согласятся все, кто с ним встречался хотя бы мимоходом, не говоря уже о его коллегах и учениках.

Писем отец мне не читал, но бывали исключения. В. С. Пикуль обратился к нему с просьбой написать предисловие к роману «Слово и дело». Отец написал

¹ Там же. С. 39.